

Поэт и журналист

22 октября скоропостижно скончался наш коллега и друг Александр Павлов

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ – российский поэт, журналист, автор пяти поэтических книг. Член Союза писателей России, член-корреспондент Академии литературы РФ, лауреат премии имени Мамина-Сибиряка. Он родился 11 января 1950 года в Магнитогорске.

Отец будущего поэта Борис Петрович – рабочий коксохимического производства – в годы Великой Отечественной войны ушел добровольцем в Уральский танковый добровольческий корпус. Вернувшись с фронта инвалидом, столетничал на дому. Мать Вера Антоновна – бухгалтер – страстная поклонница поэзии, привившая любовь к ней обоим своим сыновьям.

«Брат Володя писал стихи, играл на гитаре, а мне все время хотелось быть лучше брата», – вспоминал Александр Павлов. В школе Саша был записан сразу в пять библиотек и уже в пятом классе сочинил первое стихотворение. В 1969 году семья Павловых понесла тяжелую утрату: Владимир, работавший в рефрижераторном флоте, пропал без вести у острова Сааремаа.

В 1965 году по окончании восьми классов школы № 41 Александр Павлов поступил в Магнитогорский индустриальный техникум на специальность прокатчика. После учебы работал вальцовщиком в первом листопрокатном цехе Магнитогорского металлургического комбината. В свободное время занимался в городском литературном объединении, где его наставниками были поэты Нина Кондратовская и Владимир Машковцев.

В 1969 году Александр Павлов начал заниматься в городском литературном объединении имени Бориса Ручьева. В том же году его стихи впервые были напечатаны в газете «Магнитогорский металл», а их автор за успехи в литературном творчестве был награжден именными часами. Дебют в центральной прессе молодому поэту

принесла армия: проходя службу рядовым войск ПВО Советской Армии в 1970–1972 годах, Александр участвовал в литературных конкурсах журналов «Советский воин», «Старшина-сержант» и газет Уральского и Ленинградского военных округов, неоднократно становился их лауреатом. После демобилизации, в 1972 году, начал работать литсотрудником в газете «Магнитогорский металл».

В 1973–1979 годах он учился на заочном отделении Литературного института имени Горького (Москва), в творческом семинаре поэта Валентина Сидорова. Одновременно с зачислением на первый курс начал руководить литературным объединением «Магнит» Магнитогорского металлургического комбината, которому отдал два десятка лет.

В 1975 году Александр Павлов участвовал в VI Всесоюзном совещании молодых писателей, в семинаре поэта Василия Федорова. В 1976 году в московском издательстве «Современник» 20-тысячным тиражом вышла его первая книга стихов «Предгорья». Наряду со стихотворениями, в нее вошла и поэма «Под созвездием Стали», воспеваящая рабочие будни молодых металлургов и носящая автобиографический характер. Дебютный сборник не остался незамеченным: в том же году его автор был удостоен областной комсомольской премии «Орленок» и принят в Союз писателей СССР. В качестве поощрения Павлов был направлен в творческую командировку в Венгрию на I Венгерско-советский фестиваль молодежи, серия очерков о котором принесла ему премию журнала «Журналист» и ценный подарок.

В 1982 году в Южно-Уральском книжном издательстве (Челябинск) вышла вторая книга стихов Павлова «Пологий свет», в которую, помимо собственных стихов, вошли переводы произведения поэтов из различных союзных республик, а через год в московском издательстве «Современник»

– его третья книга «Сверим время». В это время поэт увлекся переводами поэтов из союзных республик, и в различных сборниках в Москве выходили его переводы с алтайского, лакского, лезгинского, абазинского, калмыцкого, чеченского, ингушского и других языков.

С конца 80-х годов Александр Павлов сообща с поэтом Владимиром Машковцевым занимается возрождением уральского казачества. В его творчестве все чаще проявляется тема исторического наследия станицы Магнитной, достигшая апогея в цикле стихов «Прозрение». На стихи Павлова написано несколько казачьих песен, вошедших в репертуар многих хороших коллективов.

В 1996 году в жизни поэта произошло рубажное событие – при участии поэтессы Риммы Дышаленковой в Южно-Уральском книжном издательстве вышла самая объемная его книга – более чем 500-страничный «Город и поэт». Этот сборник, выпущенный десятилетиями тиражом при содействии Магнитогорского металлургического комбината, стал своеобразным отчетом поэта за более чем четвертьвековую литературную деятельность.

В 2002 году Александр Павлов был избран членом-корреспондентом Академии литературы, а спустя два года вошел в состав правления Челябинского областного отделения Союза писателей России. В ноябре 2006 на VII конференции Ассоциации писателей Урала в Челябинске магнитогорский поэт удостоен медали Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка «за стихи, воспеваящие легендарную Магнитку, внесшие значительный вклад в развитие уральской поэтической школы». В 2008 в серии «Литература Магнитки. Избранное» магнитогорского издательства «Алион» вышла книга стихов Александра Павлова «С Ярмаки еду», включившая ранее неопубликованные стихи поэта.

Центральной темой поэзии Александра Павлова является рабочая Магнитка, нравы ее жителей, красота и древняя история уральского края. Свой богатый жизненный опыт и житейскую философию автор многократно на филигранно мастеровитом стиле – не зря его перу принадлежат целая серия венков сонетов. Помимо собственных стихотворений, Павлов активно работает над литературными переводами сочинений коллег из ближнего и дальнего зарубежья, регулярно выходящими в коллективных и авторских сборниках (на его счету – более 20 таких книг). Многие из стихов поэта стали песнями на музыку как местных авторов, так и известных композиторов.

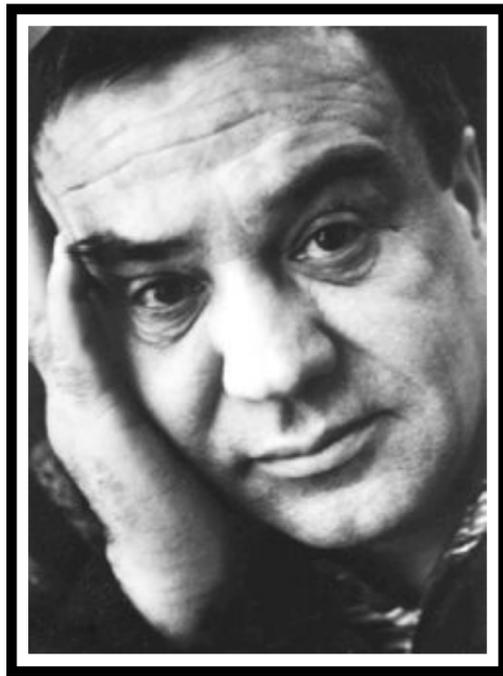
За те годы, что Александр Павлов руководил городским литературным объединением, в нем выросло немало молодых талантливых поэтов и прозаиков, в том числе – Владимир Чурилин, Владимир Навуш, Александр Салов, Сергей Рыков. В 1996–2002 годах Павлов являлся членом координационного совета магнитогорского литературно-художественного журнала «Берег А», в 2001–2003 годах входил в жюри Всероссийского литературного конкурса имени Константина Нефедьева, с 2004 года – член редколлегии журнала «Вестник Российской литературы», книжных серий «Литература Магнитки. Избранное» и «Литература Магнитки. Контекст». До середины 2000-х годов под редакцией

Павлова регулярно выходили сборники магнитогорских литераторов – членов литобъединения «Магнит» при газете «Магнитогорский металл», руководителем которого он являлся.

В 2001 году Александр Павлов был членом редколлегии VI «Ручьевских чтений», проводимых Магнитогорским государственным университетом. В Магнитогорском индустриальном техникуме (ныне – колледж), который закончил поэт, ныне регулярно проводятся посвященные его творчеству Павловские чтения.

Весть о преждевременной кончине Александра Павлова глубокой болью отозвалась в сердцах творческой интеллигенции Магнитки и Южного Урала ☹

Прощание с Александром Борисовичем состоится во вторник, 25 октября, в траурном зале при первой городской больнице с 13.00.

Когда в союз вступают свет и тьма

Александр ПАВЛОВ

Опять весна задуматься велит...
Прости-прощай,
забытый богом омут.
Летит вода и камни шевелит,
и берега раздавленные стонут.
В степи вовсю буксуют трактора –
апрельская лихая незадача...
Летит вода с утра и до утра –
предвещища покоя и удачи.
А далеко, за полою водой,
в краю сосновом,
в доме у запруды
вызванивает голос молодой
и рассыпает в травы изумруды.
Летит вода и память шевелит,
волною мутной
к прошлому относит.
А у тебя такой лукавый вид,
что о серьезном вряд ли кто
и спросит,
Какою лодкой, на каком плоту
в твои владенья светлые
пробраться?
Летит весна, хохочет на лету,
и надоело сердцу притворяться.
Я вйду в степь и воду усмирю,
и вздрогнешь ты
в догадке неминучей,
и на твою сосновую зарю
надвинутся негоданные тучи.
И ты поймешь, лукавая, сама,
шаловой душой играя лебедино:
когда в союз вступают
свет и тьма –
весомей золотая середина.

Я потемнел от горя твоего...
Мне улыбаться было бы нелепо –
ведь озеро синее оттого,
что есть над ним
безоблачное небо.

И солнце светит нам не потому,
что нынче в душах зябко –
не иначе
из века в век положено ему
светить для всех – и зрячих,
и незрячих.

А мы слепы.
Но не бессильны, нет!
Нас целых двое
в этом грозном мире...
И в темных душах зреет полусвет,
неотвратимо разрастаясь шире.

Два человека...
Не сломить бедой.
Что горе нам,
живущим и горячим?
...А жить ли так, бушующая лебедой,
иметь глаза,
но числиться незрячим?

А когда я вернулся победно
И вошел, постукав о косяк, –
Мелким бесом
рассыпался недруг
И поставил армянский коньяк.

Как я выпил его некрасиво,
Кинул руку ко лбу козырьком...
Есть какая-то жуткая сила
В торжестве скоротечном
людском.

Все мы, все, согласитесь, не боги.
Что ж мы ждем успокоенно миг,
Когда чьи-то большие дороги
Упираются в темный тупик?

Ну их к черту, завернутых в тогах!
Нынче полное право мое!
На разбитых и тесных дорогах
Сиротеет мое воронье.

Понимаю, что пошло и грубо
Заявляться
в твой правильный дом.
Свой достаток,
что выпустил в трубы,
Хоть частично верну – коньяком.

Ухожу я и зла не желаю,
А за этот внимательный стол
Я тебе вороньих оставляю,
На которых тебя обошел.

Мне приснилось семейное лоно
Посреди благодатной земли...
Я ушел, но остались лимоны,
Что из косточек трудно взойти.

Знаю, кто-то навязчиво спросит:
– Прав ли ты? – и уйдет налегке...
Разве будут они плодоносить
В этом тесном и темном горшке?

Я ушел в одночасье, без шапки,
Горько думая лишь об одном:
Подоконники севера зябки
Для садов, что живут под окном.

Цирк

Везли облезлых старых петухов.
Зачем везли – уму непостижимо.
Куда таких,
поципаных и жирных,
но с гордой непреклонностью
голов?

Везли за шумным цирком
непреренно,
хотя прошла их славная пора.
На них смотрели косо повара
и даже москвы аяли с колена.

Среди ученых псов, котов, ослов,
с зерном, шестками,
чистою водою,
везли, как будто племя молодое,
заслуженных, бывалых петухов.

Да разве же прогонишь,
бросишь их,
привычных к шуму
солнечной арены?
И потому вези с собой таких –
слепых, облезлых,
жирных и надменных.

Говорят: беда одна не ходит...
Нынче вновь явилась не одна.
По уши влюбился, при народе
лоб разбил, виной тому – она.
Простудился. Встала вся работа.
Слег в постель,
и навалилась лень.

Кот-мерзавец исцарапал фото
и пропал, и нету третий день.
Волком взвять и зареветь
медведем...
Но в заветных ямочках у рта,
словно предсказанье о победе,

ты пришла и принесла кота.
Лоб зажил, отхлынула простуда,
ты пришла уже не холодна...
И поверил я в иное чудо:
радость тоже ходит не одна.

Живым – живое!
Отойди-ка, брат...
Зачем стонать,
своей любящей ролью?
Ты и лицом-то вроде розоват,
А все туда же –
потрясаешь болью.

Придуманными бедами томим,
Ты ешь омлет размашисто
и плотно,
А в голове облезлый херувим
Ворочает злоевище полотна.

Где все метанья мутные твои
Показаны с такою
страшной силой,
Что кажется – рыдают соловьи
Над ранней и ухоженной могилой.

Живым – живое! В сторону, с пути!
В твоём надломе сыро,
как в канаве.
А если так, то уж позволю пройти,
Не думая о почестях и славе.

Я видел, видел: занималось утро,
И сытый луг поддерживал коней.
И ты пыла, как подсаженная утка,
По удивленной улице моей.

И комом горьким
закатилось горло,
Когда совсем уж ветреной
под стая
Ты вдоль плетня навязчиво
и гордо
Несла свою нетронутую стая.

Нет у тебя ни друга, ни подруги.
Но почему в отчаянье страшна
Ты слыхком долго
снилась всей округе?
А и всего-то – женщина прошла.

Летели звуки слабые
И невесомый дым
Над крышами, над бабами,
Над городком моим.
Заябшая окраина
Дремала в тополях,
И осень неприкаянно
Возлилась во дворах.
Над рыжыми ухабами,
Над прожельтой землей,
Над крышами, над бабами
Летели журавли.
И тень смеялась весело
В оранжевом окне,
И звуки были песнею,
Такой желанной мне.

Уход

Печально знакомая сцена:
Не вынесший липких интриг,
Бросаешь привычные стены,
И екает что-то внутри.

И думы восходят живые
На жизни крутой пьедестал.
Блажен, кто сие не впервые
На шкуре своей испытал.

Наивный, совсем как невеста,
Приняв за истерику смех,
Мальчишка исследует место,
Что было отнюдь не для всех.

Полета тебе и удачи!
Но только средь этой пурги,
Глаза виновато не пряча,
Ты душу свою береги.

Со мною бывало и хлеще,
Кляли, надрывая живот...
Вы можете вынести вещи,
Но дух мой где хочет живет.

Не удивляйся, друг сердечный,
Устал, какая к черту грусть.
Я весь какой-то поперечный
И сам в себе не разберусь.

Ночей свирепа канонада,
В кошмарах света не выдать.
Да и тебе-то больно надо?
Себя не в силах расхлебать.

Каноны общие нарушу,
сверну, оно пока честней...
не заложить ли черту душу –
пускай помыкается с ней?

Нет в поэзии безвременья,
просто каждый – в свой черед.
Исключение – для гения,
Что над временем встает.

Каждый нужен, будто звеньишко
В нескончаемой цепи.
Каждый важен, словно зернышко
Поля хлебного в степи.

Невозвратны, как мгновения,
Все мы – волны у реки...
Нет в поэзии безвременья,
Рядом с ней – временщики.

О, жажда благородного порока,
Когда готовы мчаться за океан
Нездешний привкус
привозного сока
И золотая пыль закятных стран.

Но пуст карман,
а тихий дом печален,
И низко-низко ходят облака,
И парусник души твоей
причленен,
Как песня, нежеланная пока.

И что с того, что истина – жестока:
Да, дни идут, а месяцы – бегут...
Летят лишь годы высоко-высоко,
И на причалах никого не ждут.

И что с того,
что нет путей обратных
Тому, кто все равно
не стал прямой

Под золотую пылью
стран закятных –
За грустной пылью
родины своей.

Как время не беует –
Без рубежей и стран
Живет и в ус не дует
Залпный таракан.

Хотите ль, не хотите ль,
Но сквозь эпох мираж
Он, видно, прародитель
Да и могильщик наш.

В какой жестокой силе
Его, ослеплены,
Давили и травили,
Да только хоть бы хны.

Не мы ли это сами,
Воспрявшие в зоме?
И шевелим усами,
И ходим по земле.

А слезы – не бравада,
Когда – за край земли...
И только светит правда,
Как звездочка, вдали.

Если можешь не писать –
не пиши.
Эта истина куда как проста.
Ох как долго я
молчал от души,
Наконец-то отворилась уста.

С глаз упала не одна пелена,
И в липучих покаянных ночах
Оглушила не одна тишина...
Пышен сад,
а чуть росток не зачах.

Что ж, пора и за мирские дела,
Уж, казалось бы,
и сад невелик,
Забурьянел от угла до угла,
Потому-то и сидеть не велит.

День объятия свои распростер,
Свет гуляет
по надменным стволам...
Ох и дымный нынче
будет костер,
Ох и здорово ж достанется нам!

Творчество
Поддался чувству – и не рад.
Что Паганини, Страдивари...
Вон – листья желтые шуршат
На индевелом тротуаре.

Вовеки музыки такой
Со сцены чинной не услышать,
Вовеки не подыаться выше
Любой искусною рукой.

Но все равно хвала тому,
Кто, проклиная звон мгновений,
В кровоподтеках вдохновений
Живет, не зная почему...

Вот и я отошал понемножку,
Повернул на жилище коня.
Это где это жарят картошку,
Это кто это дразнит меня?

Открывай-ка, хозяин, ворота
И впускай, и не будем темнить.
Нет, не пыль на душе – позолота,
Так что нынче могу заплатить.

Я тебя угощу «Беломором»,
Я сплю тебе песню, а ты
Постарайся не счесть
меня вором
И не прячь на чердак хомуты.

Конь мой молод,
учен и застенчив,
Не положит завистливый глаз
На ячмень,
и латунный бубенчик
Не прогневит до кочета нас.

Так что здравствуй
и дай-ка напиться,
Брось на лавку тулуп и прости
До зари,
до последней жар-птицы,
Той, что я стерегу на пути.

Всё расставанья, расставанья...
Обид и слез напастованья,
Немые противостоянья
Перед великим расстояньем.
Всё расставанья.

Обид и слез напастованья...
Как ни садились, ни вставали –
А всё напрасные старанья...
Сразить
решительным свиданьем,
И – расставанье!

Немые противостоянья...
Глаза потухшими кострами...
Два открытых состояния...
Состава краткое сиянье.
Всё! Расставанье...

Перед великим расстояньем
Ничтожны чувства и желанья
Но, может, искренни страданья
В глазах, где искорки стадами
При расставанье?..

С хребта задумчиво стекал
Туманный вечер, тих и кроток...
Звонил у синего стекла,
Стучал в прозрачные ворота.

Вставали темные кусты...
Ну что вы, дайте оглядеться!
Но липким сумраком густым
За плечи уносились детство.

Законы жизни не стереть.
Уходят облики и лица.
А в том ли счастье, чтобы спеть
И в этой песне повториться?

Есть у тоски высокие права –
На стройный хор
любого бичеванья
Не обращать малейшего
вниманья
И пропускать усердные слова.

Есть у тоски печальные права –
Лишь понимать
радителей любезных,
Их утверждать
в потугах бесполезных
И принимать обидные слова.

Но на плечах своя же голова!
Ее не нужно заменять чужою.
А кто-то говорит:
своей не стою...
К чему тогда усердные слова?

Не дай мне бог
с чужою головой
Тянуть у жизни
жакий жребий свой ☹

Нет в поэзии безвременья, просто каждый – в свой черед. Исключение – для гения, что над временем встает...